

С.Н. Гончаров

**Тернистый путь к познанию неизбежного будущего.
Книга А.В. Лукина «Россия и Китай в меняющемся мире»
как важное свидетельство интеллектуальных исканий
нашей нелегкой эпохи**

Рец.: Лукин А.В. Россия и Китай в меняющемся мире: статьи и переводы (2015–2024) / А.В. Лукин; Ин-т Китая и совр. Азии РАН. М.: ИККА РАН, 2024. 959 с.

Аннотация: Выход в свет солидного по объему сборника статей, интервью и переводов, принадлежащих перу выдающегося китаеведа А.В. Лукина, безусловно, является значимым научным событием¹. Представляется, что значение этого труда отнюдь не исчерпывается только внесенным данной книгой несомненным вкладом в изучение Китая, его внешней политики, идеологии, истории и культуры. Не менее важным является то, что собранные в этом томе материалы позволяют проследить процесс осмысления нашим современником, обладающим широтой взглядов, интеллектуальной честностью и подлинной эрудицией, реалий сегодняшнего дня, оценить его усилия по выявлению глубинных закономерностей эволюции этих реалий, тенденции их развития. Этот текст не является классической рецензией на сборник статей. Здесь хотелось бы привлечь внимание к этому сборнику как к очень ценному свидетельству российских умонастроений нашей эпохи.

Ключевые слова: Китай, Россия, история, внешняя политика, сотрудничество.

Автор: Гончаров Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Китая Института востоковедения РАН. ORCID: 0000-0001-8774-0869. E-mail: goncharovsn@gmail.com

S.N. 贡恰罗夫

**对必然未来的认识之路充满荆棘。作为我们这个艰难时代智识探索
重要见证的 А·В·卢金著作《变革世界中的俄罗斯与中国》**

摘要: 由杰出汉学家 А·В·卢金所作的、集文章、访谈和译文于一身的大部头合集著作出版——这无疑在科学界是一件大事。可以想象的是，这部著作的意义绝不限于其对研究中国及其外交政策、意识形态、历史和文化所作出的无可置疑的贡献。同样重要的是，本书所收集的材料使我们能够研究这位我们同时代的人、这位视野广阔、心灵正直和真正博学的人认识当今现实的过程，并评估他为识别这些现实演变的深层进化规律和发展趋势所做的努力。本文并非为一篇对论文集的经典式评论。在此作者想请读者注意该文集，它是我们这个时代俄罗斯思潮非常宝贵的见证。

¹ Издание находится в свободном доступе по адресу: <https://www.iccaras.ru/kniga.html?id=1524>

关键词：中国；俄罗斯；历史；外交政策；合作。

作者：谢尔盖·尼古拉耶维奇·贡恰罗夫，历史学副博士，俄罗斯科学院东方学研究所中国部首席研究员。ORCID: 0000-0001-8774-0869。E-mail: goncharovsn@gmail.com

Sergey N. Goncharov

**The Thorny Path to Understanding the Inevitable Future.
A.V. Lukin's Book *Russia and China in a Changing World*
as Testament to the Intellectual Quest of Our Troubled Times**

Review: Lukin A.V. *Russia and China in a Changing World: Articles and Translations (2015–2024)* / A.V. Lukin; Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences. Moscow: ICCA RAS, 2024. 959 p. (In Russian).

Abstract: The publication of a substantial collection of articles, interviews and translations by the eminent sinologist A.V. Lukin is undoubtedly a major academic event. The significance of this work goes far beyond its considerable contribution to the study of China—its foreign policy, ideology, history, and culture. Equally important is the fact that the materials compiled in this volume allow readers to trace the intellectual journey of a contemporary thinker endowed with broad perspective, intellectual integrity, and genuine erudition. Through these texts, we gain insight into his efforts to interpret the realities of our time and to uncover the deeper patterns and developmental trajectories underlying them. This is not a traditional review of a collected volume of scholarly work. Rather, it aims to draw attention to the collection as a valuable reflection of Russian intellectual sentiments in our era.

Keywords: China, Russia, history, foreign policy, cooperation.

Author: Goncharov Sergey N., Candidate of Sciences (History), Leading Research Fellow, Department of China, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0001-8774-0869. E-mail: goncharovsn@gmail.com

Предварительные замечания

Прежде чем приступить к освещению этой основной темы, позволю себе отметить несколько существенных обстоятельств общего характера. Хотел бы сразу признать, что не намерен скрывать своей пристрастности в отношении автора книги Александра Владимировича Лукина и его отца – Владимира Петровича Лукина. Питаю к ним чувства искреннего уважения, признательности и приязни, как к людям, которые самым серьезным и позитивным образом повлияли на мое становление как человека и специалиста.

С А.В. Лукиным мы по-настоящему познакомились в сентябре 1984 г., когда в составе группы из 70 студентов и стажеров прибыли на обучение в Китай. Нам с Алек-

сандром посчастливилось быть распределенными в Пекинский университет, где мы обитали в находившихся недалеко друга от друга комнатах в здании комплекса «Шаоюань лоу» – места жительства зарубежных студентов, аспирантов и стажеров. Он достаточно ярко и правдиво описал период этой стажировки в одном из материалов своего сборника [Лукин, 2024, с. 826–829]. Для А.В. Лукина это была уже вторая поездка в Китай. Никогда не забуду, как он выступил в качестве моего гида по Пекину в течение первых нескольких дней после приезда в китайскую столицу, первые совместные прогулки по старому городу, особенно по торговому району Дашалаэр. Там в одном из магазинов, торговавших тканями, знакомя с Александром продавщица открыла нам потаенную дверь, через которую мы попали в огромное подземное бомбоубежище.

Точно так же, как и для А.В. Лукина, одним из самых ярких впечатлений от стажировки стало для меня выступление Дэн Сяопина, открывавшего торжественную церемонию празднования 45-летия со дня основания КНР 1 октября 1984 г. Будучи приглашенными иностранными гостями, мы, вместе с другими зарубежными студентами, наблюдали за военным парадом и красочной демонстрацией, стоя в первом ряду зрителей вдоль той части улицы Чаньаньцзе, которая прилегает к огромной торжественной лестнице, ведущей к северному входу в Дом народных собраний².

Во время стажировки А.В. Лукин вместе со своим другом А.Д. Дикаревым совершил несколько интересных путешествий по Китаю, которые они впоследствии описали в книге, имевшей большой и заслуженный успех у читателей [Дикарев, Лукин, 1989]. Их «землепроходческий» опыт оказался заразительным. Последовав ему, мы вместе с моим другом и соседом по комнате Н.А. Самойловым в канун нового, 1985, года проехали в жестком сидячем вагоне поезда в города Тайюань и Сиань, что осталось в памяти на всю жизнь³.

Во время стажировки в Пекинском университете я занимался темой «Политика КНР в отношении зарубежных китайцев» и собрал по ней очень большой материал. После возвращения из Пекинского университета в Институт Дальнего Востока АН СССР написал по этой теме справку⁴, которую руководство института направило в сектор Китая Отдела ЦК КПСС⁵ и в МИД СССР. В секторе Китая на этот материал обратил внимание такой неординарный специалист и человек, как Е.П. Бажанов, которому посвящен очень яркий и откровенный текст в книге А.В. Лукина [Лукин, 2024, с. 715–731].

Поскольку к этому времени я стал достаточно свободно говорить по-китайски и быстро читал любые тексты, то по рекомендации Е.П. Бажанова директор ИДВ М.Л. Титаренко поручил мне выполнять обязанности своеобразного неофициального

² Там же. В той же группе студентов и стажеров находился и такой, например, ныне ведущий специалист по китайской экономике, как А.В. Островский (он был стажером Народного университета).

³ Между прочим, профессор, заведующий кафедрой Восточного факультета СПбГУ Н.А. Самойлов является одним из рецензентов рассматриваемой книги А.В. Лукина.

⁴ Позднее этот материал был переработан в статью, которая была опубликована в журнале «Проблемы Дальнего Востока» [Гончаров, 1986, с. 34–46].

⁵ Официальное название – «Отдел ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран», существовал с 1957 по 1988 г. В документах обычно фигурировал просто как «Отдел ЦК КПСС», чтобы не подчеркивать связь КПСС с «братскими» партиями.

консультанта сектора Китая, который входил в Отдел ЦК КПСС, занимавшийся отношениями с социалистическими странами. После этого каждую неделю я ездил в третий подъезд здания ЦК на Старой площади, где мне выделили место в тупиковом коридоре на четвертом этаже рядом с сектором Китая. Моей задачей было прочтение нескольких свежих китайских газет и журналов, составление кратких рефератов для руководства, в которых привлекалось внимание к наиболее ярким новым или важным моментам.

Во время этих визитов в ЦК я познакомился с такими недюжинными и опытнейшими китаистами старшего поколения, как Р.Ш. Кудашев и Б.Т. Кулик, а также с такими сильными экспертами более молодого поколения, как Е.П. Бажанов, будущие послы в Китае А.И. Денисов, И.В. Моргулов и С.С. Разов, будущий посол во Вьетнаме К.В. Внуков, добрые и дружеские отношения с которыми сохранились на всю жизнь⁶.

Судя по всему, такая моя деятельность получила в целом позитивную оценку, в результате чего М.Л. Титаренко (ранее работавший консультантом сектора Китая Отдела ЦК) в 1986 г. выдвинул меня на должность заведующего сектором изучения и прогнозирования советско-китайских отношений. Здесь нужно упомянуть об одном весьма важном и деликатном обстоятельстве. После того, как я начал реферировать материалы для сектора Китая Отдела ЦК, некоторые из его сотрудников стали в доверительном порядке просить меня обращать особое внимание на те публикации, которые способны были прямо или косвенно свидетельствовать о стремлении китайских руководителей отходить от маоистских догм во внутренней политике, об их намерении постепенно улучшать отношения с Советским Союзом. Позднее я понял, что конфиденциальные просьбы о презентации позитивных материалов такого рода призваны были создавать некоторый (если оценивать объективно, разумеется, не самый авторитетный, но хоть какой-то) противовес негативным оценкам китайской политики, которых придерживался пользовавшийся огромным влиянием китаист О.Б. Рахманин, занимавший чрезвычайно важную должность заместителя заведующего Отделом ЦК КПСС⁷. Информация, поступающая тогда из советского посольства в Пеки-

⁶ Особенности работы в секторе Китая ЦК очень ярко и рельефно описаны в воспоминаниях Е.П. Бажанова [Бажанов, 2017, с. 61–100]. Моя работа материально стимулировалась тем, что, по ходатайству руководства сектора Китая, строгие буфетчицы в столовой здания ЦК разрешали мне покупать во время каждого визита по полтора-два килограмма настоящих мясных сосисок и по шесть-восемь сладких глазированных сырков. Эта продукция была несравненно более вкусной и натуральной, чем та, которую иногда удавалось приобрести в обычных магазинах, ее употребление моментально повышало жизненный тонус и было настоящим праздником для меня, супруги и детей. О непререкаемом авторитете, которым пользовались эти буфетчицы [Бажанов, 2017, с. 98–99].

⁷ В МИД России в начале – середине 90-х годов прошлого века мне довелось очень тесно и плодотворно взаимодействовать с сыном Олега Борисовича – Владимиром Олеговичем Рахманиным. Помню, как один раз О.Б. (как его именовали в соответствующих кругах), уже находившийся на пенсии, посетил наш весьма тесный и более чем скромный кабинет в более чем скромном (скорее даже убогом) здании так называемого «гастро-МИДа», которое располагалось через Арбат от основного здания МИД и получило такое наименование, поскольку на первом этаже находилось помещение гастронома «Седьмой континент». Он детально расспрашивал нас о работе и вполне искренне хвалил за то, какую практическую деятельность мы старались вести по налаживанию стратегического партнерства с Китаем.

не, была выдержана именно в таком не самом позитивном духе и ее можно было подчас сопоставлять с такими краткими рефератами.

В.П. Лукин в это время являлся заведующим сектором дальневосточной политики Института США и Канады АН СССР, который тогда возглавлял такой авторитетный ученый и общественный деятель, как академик Г.А. Арбатов. Исходя из весьма реалистичного анализа стратегических интересов СССР, Г.А. Арбатов, В.П. Лукин и А.А. Кокошин, также работавший в Институте США и Канады, последовательно выступали за продвижение нормализации отношений с КНР. К этой группе специалистов примыкал и такой выдающийся знаток современного Китая, как заведующий Отделом Китая Института востоковедения АН СССР Л.П. Делюсин⁸. В связи с этим В.П. Лукин весьма критически отзывался о позиции О.Б. Рахманина и его сторонников, которые писали о неизменности враждебной позиции Китая в отношении СССР, о фатальной предопределенности конфликтов между двумя государствами⁹. Я всеце-

⁸ Именно эти люди были в числе тех специалистов, которые инициировали первый серьезный импульс к улучшению отношений, который содержался в выступлении Л.И. Брежнева в Ташкенте в марте 1982 г. Сотрудничество с А.А. Кокошиным было продолжено после того, как он перешел на руководящую работу в Министерство обороны Российской Федерации. Я в это время курировал военно-техническое сотрудничество с Китаем в части, касающейся МИД России.

⁹ В.П. Лукин о книге О. Владимировой «Советско-китайские отношения в сороковых – восьмидесятих годах» (материал подготовлен в конце 1984 года) [Лукин, 2018, с. 356–358, 331–336]. Подход О.Б. Рахманина к вопросам нормализации советско-китайских отношений подробно описан в воспоминаниях Е.П. Бажанова [Бажанов, с. 126–143]. О спорах с О.Б. Рахманиным в связи с курсом на нормализацию отношений с КНР см. также: Черняев А.С. Советская политика 1972–1991. Взгляд изнутри, запись от 29 мая 1982 года, с. 21–22, запись от 10 июля 1982 года, с. 28–30, запись от 8 августа 1982 года, с. 30–33, запись от 11 сентября 1982 года, с. 37–38, запись от 2 октября 1982 года, с. 41 URL: <https://archive.org/details/Chernyaev-Diary-1987-rus> (дата обращения: 11.01.2025). О.Б. Рахманин старался противостоять деятельности ученых Института США и Канады во главе с Г.А. Арбатовым, направленной на нормализацию отношений с КНР [Бажанов, с. 137–138]. Совсем недавно открыл для себя, что, судя по всему, сам того не желая, оказался одним из триггеров связанных с этим противостоянием кадровых изменений: «Наконец, в августе 1987 года Рахманина с работы сняли. Одновременно М.С. Капицу из МИДа перевели директором в Институт востоковедения АН СССР. Чашу терпения М.С. Горбачева переполнили высказывания московского корреспондента газеты «Гуанмин жибао», о которых кто-то проинформировал Генерального. Корреспондент в беседе с советским научным работником сообщил, что Дэн Сяопину очень не нравятся некоторые заявления советских официальных лиц, расходящихся с официальной линией М.С. Горбачева. Особая неприязнь накопилась к М.С. Капице, который демонстрирует «пренебрежительное отношение» к КНР, вразрез с Горбачевым утверждает, что «все происходящее в Кампучии является необратимым». Деятельность Капицы превратилась, мол, в «четвертое препятствие» в китайско-советских отношениях. Другие представители КНР в конфиденциальном порядке добавляли, что Рахманин «еще большее препятствие» [Бажанов, с. 141–142]. Речь здесь, скорее всего, идет о следующем. По поручению руководства ИДВ в качестве заведующего сектором изучения и прогнозирования советско-китайских отношений я стал регулярно встречаться один на один с московским корреспондентом газеты «Гуанмин жибао» Гао Фэнъи – очень энергичным и умным человеком, прекрасно говорившим по-русски. Встречи эти подчас происходили в очень необычных местах – например, в пустынных аллеях на задворках ЦПКЮ. Гао Фэнъи сообщал мне чрезвычайно деликатную информацию, исходящую от высшего руководства КНР, прямо связанную с нормализацией двусторонних отношений. После бесед я по памяти делал их подробные записи и передавал их директору ИДВ М.Л. Титаренко, который направлял их руководству страны. Несколько раз Михаил Леонтьевич сообщал мне, что по этим докладам принимались серьезные решения на самом высшем уровне. После Москвы Гао Фэнъи стал корреспондентом «Гуанмин жибао» в Вашингтоне. Когда в середине

ло разделял взгляды В.П. Лукина на вопросы нормализации отношений с КНР, которые составляли тогда основное содержание моей деятельности¹⁰. В силу этого старался помогать коллегам из Института США и Канады в налаживании их отношений с такими серьезными китайскими структурами, как Институт современных международных отношений, тесно связанный с Госсоветом КНР и китайским министерством госбезопасности.

В.П. Лукин относился ко мне очень тепло и корректно – что вообще характерно для его стиля общения. Сотрудничество продолжилось и тогда, когда после распада СССР и создания новой России Владимир Петрович возглавил Комитет по международным делам Верховного Совета РФ. Самым примечательным событием в это время стало выполнение мною и С.С. Цыплаковым поручения В.П. Лукина о подготовке текста послания Б.Н. Ельцина к председателю КНР Ян Шанкуню, в котором излагались основы российского подхода к выстраиванию отношений с Китаем. Это послание было подписано российским президентом и вручено В.П. Лукиным Ян Шанкуню в конце декабря 1991 г. [Гончаров, 2013, с. 77]¹¹.

В таком контексте стало совершенно естественным то, что именно по предложению В.П. Лукина в начале 1992 г. я перешел на работу из ИДВ в МИД России, где почти в течение 15 лет после этого занимался вопросами развития отношений с Китаем¹².

90-х годов я приступил к работе в российском Посольстве в Пекине, то не без удивления обнаружил, что Гао Фэньи, после возвращения из США, занял должность помощника министра государственной безопасности КНР.

¹⁰ Такие взгляды были, в частности, отражены в статье С.В. Гончарова [Гончаров С.Н. От союза через враждебность к добрососедству. 40 лет советско-китайских отношений // Литературная газета. М., 1989]. В этом материале была сделана попытка едва ли не впервые в советской практике достаточно объективно изложить историю советско-китайских отношений, представить альтернативную версию этой истории, отличную от безраздельно господствовавшей до этого официозной версии, в которой всю ответственность за ухудшение отношений возлагали на китайскую сторону. Тогда для меня было крайне важным, что этот материал получил самую позитивную оценку со стороны столь авторитетного и уважаемого специалиста, как профессор МГИМО Арлен Ваагович Меликсетов, который был преподавателем и научным руководителем у А.В. Лукина. Справедливости ради нужно отметить, что после ухода с руководящих постов О.Б. Рахманин, Б.Т. Кулик и М.С. Капица опубликовали очень качественные и информативные книги, которые в значительной степени корректировали ранее созданную ими же официальную советскую версию истории взаимоотношений между Москвой и Пекином [Рахманин, 2002; Кулик, 2000; Капица, 1996].

¹¹ С.С. Цыплаков – прекрасный знаток китайской экономики – стал еще одним научным работником, который, с легкой руки В.П. Лукина, сменил академическую стезю на практическую работу в государственных структурах. Он долгое время возглавлял международный департамент в правительстве РФ и российское Торговое представительство в КНР. Существенную правку внес в послание Б.Н. Ельцина в адрес Ян Шанкуня А.В. Васильев, который тогда отвечал в Первом департаменте Азии МИД за двусторонние отношения с КНР. Он был прикомандирован в МИД из Института экономики стран мировой социалистической системы, впоследствии работал советником-посланником российского посольства в Пекине.

¹² В конце 1991 г. В.П. Лукин предложил мне занять должность официального представителя Российской Федерации в советском Посольстве в Пекине. Когда об этом узнали в советском МИД, то «в превентивном порядке» предложили мне должность советника в Первом департаменте Азии, который занимался Китаем. Я перешел на работу туда из ИДВ в начале 1992 г., уже после развала СССР. В начале сентября 2001 г. (я на тот момент являлся временным поверенным в делах РФ в КНР) В.П. Лукин прибыл в Пекин с официальным визитом в качестве заместителя председателя

Переплетенность биографий

Не могу также не упомянуть о том, что до определенного момента очень похожими оказались наши с А.В. Лукиным жизненные пути. И накануне китайской стажировки, и после нее оба мы принимали активное участие в прекрасной конференции «Общество и государство в Китае» (ОГК), проводимой отделом Китая Института востоковедения Академии наук, именно там состоялись наши первые шаги как исследователей-китаеведов [Лукин, 2024, с. 776–779]. А.В. Лукин вспоминает: «Это (отдел Китая) было прекрасное место, но проработал я тем недолго. Меня затягивало в воронку политических перемен в стране. Я вступил в общество „Мемориал“, которое активно действовало в институте, затем в движение „Демократическая Россия“, от которой меня в 1991 году избрали депутатом Моссовета. Формально я еще некоторое время работал в отделе, выступал с докладами, некоторые из них опубликовал, но особых успехов не добился. Вскоре я перешел в Моссовет полностью, а когда он был распущен в 1993 году, поступил в аспирантуру Оксфордского университета и защитил там диссертацию по демократическому движению в России, т.е. на тему, которая к Китаю не имела отношения. Несколько раз я ездил из Оксфорда в Китай, выступал там с лекциями, но Китаем почти не занимался, хотя следил за тем, что там происходит.

В 1998 г. я вернулся в Россию, стал работать в МГИМО, откуда уже поехал на год на научную работу в Институт Брукинса в Вашингтоне. Там я написал книгу об эволюции образа Китая в России с начала знакомства двух стран друг с другом в XVII в. и до наших дней. Книга выросла из статьи, которая вышла в свет на китайском языке в сборнике под редакцией моих друзей Андрея Дикарева и Ли Сюэцзюня. Это был первый после долгого перерыва опубликованный в Китае сборник статей российских авторов, посвященный двусторонним отношениям. Тема же пришла мне в голову после прочтения одной из статей Л.П. Делюсина. Я стал увеличивать свою статью, и она разрослась до книги, которая была опубликована под заголовком «наблюдает за драконом» на английском, русском и китайском языках. Позже я защитил ее в России как докторскую диссертацию» [Лукин, 2024, с. 832].

После развала СССР А.В. Лукин принял самое активное участие в демократическом политическом движении. После этого ему посчастливилось проходить стажировку в некоторых из самых престижных учебных и исследовательских структур Великобритании и Соединенных Штатов. Результатом этого явилась прекрасная книга «Медведь наблюдает за драконом» [Лукин, 2007], которая пользуется заслуженной популярностью среди англо-, русско- и китаеязычных читателей как лучший очерк истории эволюции российских представлений о Китае.

Из этого периода А.В. Лукиным были вынесены некоторые отнюдь не лежащие на поверхности и совсем не обязательно сугубо комплиментарные впечатления об этих странах, которые впоследствии оказывали существенное влияние на его иссле-

Государственной Думы. А.В. Лукин был в числе сопровождающих лиц. Случилось так, что в это время мы совместно по телевизору наблюдали за тем, как второй пассажирский лайнер врезался в башню Всемирного торгового центра в Нью-Йорке [Лукин, 2024, с. 832–833]. Этот эпизод также описан в моей книге «Премьер Ли Пэн и Тяньваньская АЭС», которая в настоящее время опубликована в Институте востоковедения РАН.

довательскую работу. К таковым, например, относятся следующие его наблюдения относительно «общества и государства» применительно к Великобритании: «Недаром именно в Британии элита выступала за максимальное расширение Евросоюза, даже за прием в него Турции. Но эта элита забыла, что в стране живут не только университетские доны, банкиры лондонского Сити, все более идеологизированная молодежь, интернационализованные жители крупных городов, но и граждане зрелого возраста, рабочие, фермеры, рыбаки и продавцы магазинов, завсегда и небольших пабов и футбольные фанаты, даже язык которых, мягко говоря, сильно отличается от элитарного. Эти люди всегда были недовольны Брюсселем по вполне прагматичным причинам: они не желали платить часть своей и без того небольшой зарплаты за идеологические цели, за свободу и счастье жителей Восточной Европы и Северной Африки, отдавать им рабочие места» [Лукин, 2024, с. 198].

Аналогичным образом складывалась и моя биография. В годы перестройки я приобрел устойчивые демократические убеждения, добросовестно отстоял две ночи у Белого дома, «охраняя» его во время путча 1991 г.¹³, принимал участие в многочисленных демократических митингах. В 1991 г. ИДВ направил меня на стажировку в Институт международной безопасности и контроля над вооружениями Стэнфордского университета. Результатом пребывания там стала написанная совместно с американскими коллегами книга относительно переговоров между Сталиным и Мао Цзэ-дунуном в 1949–1950 гг., а также начала Корейской войны [Goncharov, Lewis, Xue Litai, 1993].

В какой-то момент мы с Александром как будто поменялись местами – он покинул МИД и в конечном счете с головой ушел в преподавание и науку, а я, наоборот, ушел из науки сначала на дипломатическую, а затем – на практическую работу в крупных российских компаниях.

Я очень признателен А.В. Лукину за то, что он помог мне после многолетней работы в Китае возвратиться на исследовательско-преподавательскую орбиту. Благодаря в том числе его содействию после возвращения в Россию из Пекина я некоторое время трудился в качестве профессора Высшей школы экономики.

Такая схожесть и даже переплетенность биографий не могла не привести к тому, что в них встретилось очень много людей, которых оба мы хорошо знали или знаем, и которые оказались крайне важными и для Александра Владимировича, и для меня. Хотел бы отметить точность и глубину характеристик таких людей в посвященных им очерках в этом сборнике, доброжелательность, объективность и, в некоторых случаях, остроту характеристик, даваемых таким людям. Здесь я перечисляю лишь тех, кого хорошо знал или знаю лично и потому могу засвидетельствовать точность опи-

¹³ Хотел бы здесь отметить, что, согласно моим воспоминаниям, подчас все это выглядело совсем не столь героически, как это рисуется некоторыми участниками событий. Хорошо помню, что к дождливому утру того дня, вечером которого поступили сведения об аресте членов ГКЧП и крахе путча, большинство из людей, окруживших Белый дом, разошлись по собственным домам. Этим утром мы, человек 20, не больше, выстроились жидкой цепочкой наверху широкой лестницы, спускающейся от Белого дома к речной набережной. Корреспондентов, снимавших нас с нижней части лестницы, было куда больше, чем таких промокших и довольно жалких «защитников», вооруженных только зонтиками и противогазами. В тот момент мне казалось, что все это мероприятие приобрело характер какого-то скверного анекдота, и никак не может кончиться добром.

саний – «Об Андрее Мочульском» [Лукин, 2024, с. 842–846], «Идеальный дипломат» (о Виталии Яковлевиче Воробьеве) [Там же, с. 835–841], «Памяти Юрия Борисовича Савенкова» (1933–2023)», «Артему Игоревичу Кобзеву 70 лет!» [Там же, с. 732–735], «Евгений Петрович Бажанов в моей жизни» [Там же, с. 715–731]. Хотя таким выдающимся личностям, как Лев Петрович Делюсин и Игорь Алексеевич Рогачев, в книге не посвящены отдельные биографические очерки, из различных ее разделов мы получаем о них весьма полное и глубокое впечатление.

Особо хотел бы отметить, что во всех материалах сборника чувствуется прекрасная научная школа, пройденная А.В. Лукиным в России и за рубежом. Это выражается в четком и логичном изложении мысли, в прекрасном знании современных философско-социологических теорий и в уверенном применении этих знаний к анализу конкретного материала. Это резко выделяет работы А.В. Лукина на фоне трудов коллег-востоковедов, позволяет не списывать любые явления китайской истории и действительности на таинственную непознаваемую специфику этой страны, но рассматривать их в адекватном глобальном контексте.

Отдельного упоминания заслуживают такие качества автора, которые можно определить, как интеллектуальную честность и смелость. В одном из биографических очерков сборника А.В. Лукин указывает на такую печальную особенность нынешних времен, как очевидное падение качества международной журналистики [Там же, с. 779]. С сожалением вынужден отметить, что такое же явление характерно и для части китаеведческих исследований, посвященных внешней политике этой страны или двусторонним отношениям. Появился целый ряд опусов, панегирически прославляющих великую мудрость внешнеполитической стратегии, проводимой современным китайским руководством, и воспевающих российско-китайские отношения как идущие от ослепительных успехов к еще более выдающимся победам. Научно-познавательная ценность такого рода текстов приближается к нулю, и весь их смысл состоит в том, чтобы потрафить начальству.

А.В. Лукин безусловно является последовательным сторонником развития российско-китайского сотрудничества и в своих публикациях выдвигает много направленных на это практических предложений. Это никак не мешает ему указывать на имеющиеся в развитии отношений проблемы, вызванные как недопониманиями и недоработками с российской стороны, так и объективным изменением в соотношении сил между РФ и КНР и возникающими в результате переменами в поведении китайских партнеров, которые, деликатно выражаясь, могут быть определены как проявления «излишней напористости» последних.

Такого рода оценки вряд ли могут слишком уж понравиться российским и китайским официальным лицам. Вместе с тем, подобный подход, призванный привлечь внимание к имеющимся проблемам и трудностям, а не замазывать или игнорировать их, является единственно верным.

Восток и Запад

С моей точки зрения, исследовательские статьи (что касается переводов пьес, то они мне показались интересными как читателю, но я не обладаю компетенцией для

оценки их литературной ценности), собранные в этом томе, можно разделить на две большие категории. К первой из них относятся весьма качественные тексты, имеющие самостоятельное познавательное значение¹⁴. Мне в этой категории материалов особенно понравился очерк о жизни Цзян Цзинго в СССР и о становлении его мировоззрения, впервые в отечественной историографии столь полно и глубоко освещающий эту важнейшую тему¹⁵.

В том, как выстроены эти и иные материалы сборника, безусловно сказывается буквально пропитывающий их преподавательский опыт автора. Практически все они структурированы как хорошие лекции с обстоятельными историческими экскурсами, призванные постепенно поднимать читателя/слушателя от понимания базовых категорий к уяснению сложных идейных или социальных систем.

Хотел бы еще раз подчеркнуть, что все эти статьи имеют безусловную самостоятельную научную ценность. Их общая особенность, однако же, как представляется, состоит в том, что все эти тексты находятся несколько в стороне от самой основополагающей и фундаментальной темы, занимающей А.В. Лукина. Я бы в самом общем плане определил эту «становую» для исследователя тему как цивилизационное, идейное, политическое, экономическое и культурное взаимодействие и взаимное влияние между Западом и Востоком. Мне кажется, что практически все остальные (кроме названных выше статей и некоторых из биографических справок) исследования сборника посвящены изучению различных аспектов этой действительно ключевой и глобальной проблемы нашей эпохи. При этом в процессе своей научной деятельности А.В. Лукин постоянно параллельно с осмыслением новых явлений действительно стремится встраивать их в некую логичную и непротиворечивую глобальную систему.

В ходе дальнейшего изложения я отнюдь не намерен дискутировать с Александром Владимировичем относительно верности и справедливости излагаемых им взглядов по тем или иным конкретным вопросам. Я просто попробую, в качестве внимательного и заинтересованного читателя, изложить свое понимание того, как связаны между собой содержащиеся в книге глубокие выводы и наблюдения, какова их внутренняя эволюция. Поскольку мы имеем здесь дело с очень качественным интеллектуальным продуктом, его систематизация и интерпретация, по моему глубокому убеждению, способны не только позволить более точно понять взгляды А. В. Лукина, но также приблизиться к пониманию некоторых глубинных идейно–политических течений нашей нелегкой эпохи.

Я готов к тому, что, после прочтения излагаемых далее рассуждений, и сам А.В. Лукин и читатели, более глубоко понимающие содержание этой книги, нелицеприятно сообщат, что мне не удалось постичь истинного смысла заключенных в сборнике идей, и что я подгоняю эти идеи под собственные представления о прекрасном.

¹⁴ «Подход КНР к территориальным спорам в Южно-Китайском море» (в соавт. с А.Д. Дикаревым) (с. 380–400); «Курильские острова: пора, наконец, разобраться что к чему» (с. 500–502); «Корея в начале XXI века и интересы России» (в соавт. с О.С. Пугачевой) (с. 505–528); «Тайваньская нация»: от мифа к реальности» (в соавт. с А.Д. Дикаревым) (с. 652–673).

¹⁵ «Жизнь Цзян Цзинго в СССР и становление его мировоззрения» (в соавт. с А.Г. Лариным) (с. 586–623).

Что ж, и это будет неплохим результатом, поскольку создаст повод поговорить о действительно важных сюжетах, которые затронуты в книге.

Можно, очевидно, с высокой долей уверенности предположить, что особый интерес А.В. Лукина к проблемам взаимного влияния Запада и Востока, к взаимодействию между различными идеологиями и культурами, к эволюции представлений цивилизаций и наций друг о друге связан с тем, что в самом начале своего исследовательского пути он стал заниматься изучением идей такого незаурядного и важного для интеллектуальной истории Китая мыслителя, как Лян Шумин. Одной из важнейших тем размышлений последнего было взаимодействие между тремя цивилизациями – китайской, индийской и европейской (западной) [Лукин, 2024, с. 771, 529–549].

В упоминавшейся монографии, посвященной эволюции российских представлений о Китае, А.В. Лукин уже выступает как зрелый ученый, системно излагающий собственные взгляды на проблему. Для целей нашего дискурса важно отметить то, что в этой книге автор отнюдь не стремится затушевать наметившиеся в это время разногласия между Россией и Китаем с одной стороны и Соединенными Штатами, странами Запада – с другой. Он совершенно резонно указывает на то, что сближение между Россией и Китаем, а также продвигаемая этими государствами концепция «многополюсности» призваны были, в частности, ограничивать амбиции США, стремящихся к абсолютному однополюсному доминированию. При этом А.В. Лукин совершенно справедливо отмечает, что в тот период и Москва, и Пекин ни в коем случае не стремились к конфронтации с Вашингтоном и Брюсселем. И РФ, и КНР расценивали последних как приоритетных партнеров и пытались путем укрепления взаимодействия между собой создать более прочные позиции для более выгодного и равноправного взаимодействия с «коллективным Западом» [Лукин, 2007, с. 479].

В рассматриваемый нами сборник статей вошли тексты, написанные в 2015–2024 гг. Изложенный в них подход к отношениям между Россией и Западом радикальным образом отличается от взглядов, которых придерживался автор в вышеупомянутой книге, вышедшей в свет в 2003 г. Ссылаясь на мнение своего сослуживца по Высшей школе экономики С.А. Караганова, А.В. Лукин следующим образом достаточно четко определяет происшедшее за этот период кардинальное изменение воззрений: «В 2015 году уже почти вся российская элита поняла, что противостояние с Западом надолго и не случайно, что России придется жить в иной реальности, чем предполагали прекраснодушные мечты об интеграции с Западом при сохранении независимости и суверенитета. Они превалировали в российском политическом классе чуть ли не до конца 2000-х годов – пишет С.А. Караганов» [Лукин, 2024, с. 437–442].

В качестве непосредственного триггера, вызвавшего столь стремительное и необратимое ухудшение отношений между Россией и странами Запада, А.В. Лукин называет резко обострившийся в 2014 г. конфликт вокруг Украины. При этом, описывая причины этого конфликта он четко придерживается принятого официальными российскими властями нарратива: «С другой стороны в Казахстане также должны понимать, что кризис на Украине был вызван незаконным приходом к власти крайних националистов, меры которых по ограничению прав русскоязычного населения вызвали восстание последнего в восточной части страны. Россия же лишь оказала некоторое содействие соотечественникам» [Лукин, 2024, с. 810].

Раскрывая фундаментальные причины нынешнего предельного обострения конфликта, А.В. Лукин детально развивает концепцию навязывания Западом России собственной системы ценностей и стремление загнать последнюю в систему координат, практически полностью лишаящую ее международной субъектности и подчиняющую западным интересам. В статье 2019 г. он отмечает, что «на словах администрация Клинтона поддерживала демократию и создание рыночной экономики внутри страны и переход от империалистической к либеральной внешней политике. В действительности же она содействовала созданию неэффективного, коррупционного, антидемократического режима, так как его цели в большей степени отвечали американским интересам. Этим она способствовала росту недовольства населения как этим режимом, так и Западом. На волне этого недовольства к власти пришло руководство еще более авторитарное, но обещавшее соответствовать изменившимся настроениям. Это оно делает с большим успехом, о чем свидетельствует высокий рейтинг президента Владимира Путина».

Западные политики-идеологи, определяющие основное направление внешнеполитической мысли, считают, что лучший способ присоединить все «варварские» народы и страны к миру «свободы и демократии» – подчинить их своему влиянию через экономические и политические союзы. Для этого в них к власти должны прийти силы, выдающие в ориентации на Запад собственную выгоду, чему необходимо всячески способствовать.

Однако не все страны смогут воспринять эту схему. Присоединив к своей сфере влияния культурно близкие страны Восточной Европы, Запад столкнулся с большими проблемами в крупных и культурно различных России, Иране, Китае, в арабском мире. В этих регионах политика, основанная на демократизме, создает хаос или укрепляет антизападные режимы, способные защитить свои страны от этого хаоса.

Идеологизированные специалисты по России типа Тэлботта и Макфола в действительности никогда не понимали ее и не хотели ей добра. Точнее, они считали, что добром для нее будет реализация ею их утопической схемы. А когда оказалось, что большинство населения России эту схему не принимает, они разочаровались и теперь требуют уничтожить реальную Россию, которая оказалась не такой, как Россия воображаемая, всеми средствами» [Лукин, 2024, с.160–162].

Здесь мы сразу должны отметить, что, по мнению А.В. Лукина, подобную стратегическую логику США и Запад применяют и при формировании своей политики в отношении Китая: «При этом важную роль в западнотризме играет возникшая в период Просвещения идея прогресса. Именно с ней связаны две коренные черты западной историософии: убеждение в поступательном движении истории к некоему абсолютному идеалу и убежденность в том, что этот идеал находится на Западе» [Лукин, 2024, с. 650].

Тут хотелось бы сделать небольшое «лирическое отступление». Ранее в своем тексте я отмечал, что не имею намерения полемизировать со взглядами А.В. Лукина, по сути, поднимаемых им проблем. Хотел бы в данном случае только отметить, что вне зависимости от того, как оценивает тот или иной российский эксперт политику США в отношении РФ или роль в этой политике тех или иных ведущих американских экспертов, на эмоциональном уровне форма подачи этого политического курса

Вашингтоном подчас не может не вызывать отторжения даже у самых убежденных сторонников прозападной ориентации стратегии Москвы¹⁶. Все это так, однако большая политика, от которой зависят жизни множества людей, вряд ли должна определяться преимущественно на основе эмоций.

Отталкиваясь от такого анализа конкретных причин возобладания в России антизападных настроений, А.В. Лукин переходит на более высокий уровень обобщения, формулируя центральную для системы его воззрений идею «вестернизма». Применительно к Китаю (траектория эволюции взглядов руководителей которого, как он полагает, в существенной степени напоминала изменение воззрений российских руководителей) его выводы выглядят следующим образом.

«1. Нынешний вестернизированный мир в целом цивилизационно един, однако его части отличаются по уровню вестернизации.

2. Различные уровни вестернизации и несовпадающие геополитические интересы отдельных частей мира, как это часто бывало в истории, ведут к его политической раздробленности. Мечты о политическом единстве всего мира иллюзорны и основаны на идеологических предпочтениях, а не на знании истории и современных реалий.

3. Возвышение Китая – обычный для начального периода раздробленности цивилизационно единого ареала пример укрепления периферийного государства, в котором соединение цивилизационных форм, распространяемых из центра, и местной традиции, дало эффект взрывного роста.

4. Нынешняя американско-китайская конфронтация – типичный для такой ситуации конфликт старого гегемона с новой периферийной силой, старающейся потеснить его позиции в международной системе ...» [Лукин, 2024, с. 83].

Исходя из такого подхода А.В. Лукин дает собственное оригинальное определение предмета такой научной дисциплины, как «востоковедение»: «...можно говорить, что для всех незападных, прежде всего азиатских и африканских, обществ характерна та или иная степень вестернизации. Предметом единой науки об их обществах – вос-

¹⁶ Приведу в доказательство этого тезиса следующий конкретный пример, который очень сильно меня покорило. В своих мемуарах С. Тэлботт описывает следующий эпизод: «Клинтон подарил Ельцину копию статуи Фредерика Ремингтона – вождь индейцев скачет на лошади вниз по крутому склону: «Обрати внимание, лошадь на очень коварной тропе, – сказал Клинтон, – но всадник силен и искусен, умеет держаться в седле – лошадь не собьется с шага, а сам он не окажется в грязи. Мне кажется, для тебя это хорошая метафора Борис – ты тоже неплохо покоряешь трудные тропы». После этого Клинтон предложил тост: „За тебя, Борис, за то, чтобы никогда не сдаваться, не поддаваться противникам и всегда возвращаться к трудным делам во имя высокой цели“. Тэлботт Струуб. Был и Борис. Записки о президентской дипломатии. Москва, Издательский Дом «Городец», 2003. С. 289. Мне трудно сказать, что имел в виду президент Клинтон и его советники, когда придумывали этот спич. В любом случае, такой мыслящий русский человек, как я, совершенно не настроенный на конфронтацию с Соединенными Штатами, воспринял эти высказывания с неприятным удивлением и разочарованием. В самом деле, ведь в данном случае речь шла об индейском вожде – то есть руководителе этнической группы, которой США нанесли стратегическое поражение и лишили территории, который, невзирая на трудности и сопротивление, твердо ведет свой народ (лошадь) по трудному и грязному пути к деградации (вниз по склону) при полном одобрении со стороны Вашингтона. Такие размышления терзали меня еще в начале 90-х годов. В связи с этим опубликовал тогда статью в которой призывал не заикливаться на курсе интеграции в стратегию США и Запада, поддерживать сбалансированные отношения также с Китаем и исламским миром [Гончаров С. Особые интересы России. В чем же они заключаются // Известия. 1992. 25 февраля].

токоведения – в этой ситуации могут стать уровень вестернизации в каждом случае, механизмы взаимодействия западной культуры с традиционными структурами и его последствия, а также изучение этих структур в контексте последующей вестернизации» [Лукин, 2024, с. 28].

Можно констатировать, что на теоретическом уровне здесь излагается достаточно хорошо обоснованная критика теорий мироустройства, превалирующих ныне на «коллективном Западе», и формулируется собственное представление о том, что в Китае именуют «глобальной архитектурной».

Будучи человеком последовательным и практически ориентированным, А.В. Лукин никак не мог ограничиться такими сугубо теоретическими обобщениями высокого уровня. На более низком «этаже» системного изложения представлений о современном мире для него ключевыми стало изучение процессов формирования «многополюсного мира» и порождаемое этими процессами становление новых многосторонних структур сотрудничества, альтернативных таким традиционным структурам западного доминирования, как, например, НАТО или Европейский Союз. В статье, написанной в соавторстве с В.Б. Кашиным, он отмечает: «Российско-китайское сближение является фундаментальной чертой современной системы международных отношений. Важность этого процесса определяется прежде всего тем, что он заложил основы многих более широких международных тенденций: формирования многополярного мира, появления таких международных групп и организаций, как БРИКС и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), а также проекта сопряжения Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и китайской инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП) и др. В последнее время все эти тенденции прочно ассоциируются с идеей формирования Большой Евразии» [Лукин, 2024, с. 412].

Именно через создание таких многосторонних институтов «постбиполярной эпохи» «новые периферийные силы», по идее, сначала должны «отжать» у западных «старых гегемонов» жизненное пространство для реализации собственных суверенных интересов и воззрений, а затем, в конечном счете, сформировать новую многополярную структуру международных отношений. А.В. Лукин долгое время возглавлял научный центр по изучению деятельности Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС) и совершенно естественно, что именно эта структура (наряду с БРИКС) находится в центре его внимания. В его книге собран целый ряд исследований, посвященных этим институтам, которые основаны на очень солидном фактическом материале [Лукин, 2024, с. 163–190, 219–292, 322–342].

Из всех этих исследований вытекает, что ШОС первоначально сыграла весьма полезную роль в гармонизации и «взаимной притирке» друг к другу интересов и практических действий России и Китая в критически важном регионе Центральной Азии. Впоследствии она превратилась в очень полезную и эффективную площадку для общения между собой руководства тех государств, которые склонны акцентировать определенную степень автономности собственной политики от стратегии «коллективного Запада». Для России в текущих условиях это является очень важным фактором, поскольку доказывает, что она не находится в международной изоляции. ШОС также накопила богатый опыт согласования формулировок, имеющих отличия от западных, во всевозможных декларациях высокого уровня по общеполитическим во-

просам, в решении проблем собственного расширения и вопросов внутренней организации своей работы, а также в обсуждении на общем уровне проблем взаимодействия в самых важных сферах. Полезность и позитивную направленность такой работы невозможно отрицать.

Вместе с тем не вызывает сомнения и тот очевидный факт, что члены ШОС в своих итоговых документах весьма успешно уходят от выражения каких-то единых позиций, относительно проблем, по которым у тех или иных членов организации имеются противоречия с государствами «коллективного Запада» или же трения между различными странами – членами самой этой организации. Это совершенно понятно и объяснимо, если учесть, сколь различными являются интересы и мировоззрения различных государств-членов.

По идее, выработка общих подходов к таким вопросам, как, например, взаимодействие в рамках «Большой Евразии» (существенным элементом которого должно стать «сопряжение» между российской концепцией ЕАЭС и китайской стратегии «Пояса и пути»), к налаживанию взаимодействия в рамках «Энергетического клуба» ШОС, должна стать своеобразным «приводным ремнем», позволяющим претворить высокие слова о дружбе и взаимной выгоде в конкретные проекты многостороннего взаимодействия.

А.В. Лукин очень добросовестно и детально описывает, каким образом протекает обсуждение концепции «Большой Евразии» и работы «Энергетического клуба» в рамках различных платформ, связанных с ШОС. Из этих описаний, однако же следует, что в результате всех этих дискуссий и согласований ни та, ни другая идея пока что «не сопрягались» с практикой. Все сколько-нибудь значимые проекты, реализуемые в последнее время между странами ШОС, имеют сугубо двусторонний характер и, строго говоря, не имеют прямого отношения к функционированию данной организации¹⁷. У меня создалось впечатление, что самым живым и близким к действительности институтом ШОС являются ее Форумы, в ходе которых эксперты из стран-членов в достаточно откровенном духе обсуждают существующие проблемы.

Если говорить о рассматриваемых нами взглядах А.В. Лукина, то на высшем уровне обобщения мы наблюдаем достаточно оригинальную и внутренне непротиворечивую концепцию «глобального вестернизма» и возникающих в его рамках разломов и трещин, как попытку объяснить глубинные закономерности развития современной ситуации в мире. Вместе с тем, достаточно сбалансированное и объективное описание автором тех новых многосторонних институтов, которые призваны обеспечить трансформацию устаревшего миропорядка и становление новой «постбиполярной» структуры международных отношений приводит к мысли о том, что, по крайней мере по состоянию на настоящий момент, они вряд ли способны справиться с такой ролью.

Это приводит А.В. Лукина к признанию того, что, когда мы переходим к анализу важнейших тем, практически определяющих наше нынешнее бытие, упомянутые выше общие подходы к становлению «прекрасного нового мира» не срабатывают, дают сбой. Попробую привести несколько конкретных примеров из практики россий-

¹⁷ В чисто практическом плане более эффективной, чем ШОС, выглядит такая структура, как «Китай плюс пять» (государств Центральной Азии), где дискуссии носят весьма предметный характер.

ско-китайского взаимодействия, которые, как мне кажется, иллюстрируют этот тезис. При этом постараюсь двигаться от общих проблем к частным.

В одной из достаточно свежих публикаций (написанной в соавторстве с И.Е. Денисовым) А.В. Лукин практически исключает возможность нормализации отношений между Россией и Западом в обозримом будущем: «Конечно, новые реалии не позволяют говорить о возможности принципиального изменения российского курса, предположим, переориентации на сближение с Западом. Во-первых, это невозможно, поскольку конфронтация с ним дошла до крайней степени. Во-вторых, история показала, что такое сближение приемлемо для Запада, только если осуществляется за счет ущемления национальных интересов Москвы, что не может быть принято значительным большинством ее граждан» [Лукин, 2024, с. 378–379].

Вместе с тем в той же статье он допускает возможность изменений такого рода в китайской политике: «...в России хорошо понимают, что китайская экономика на деле значительно больше зависит от западной, чем от российской, и при первой возможности партнерские отношения КНР с США и Европой будут восстановлены» (с. 378)¹⁸.

Во многих статьях сборника детально рассматриваются взаимоотношения между Китаем, с одной стороны, и США, Европой – с другой. А.В. Лукин делает общий вывод о том, что в целом для этих отношений характерна эскалация противостояния. Одновременно он справедливо отмечает, что жесткий курс нынешнего китайского руководства устраивает далеко не всех в Пекине, и что, по крайней мере на начальном этапе его проведения вокруг него возникали достаточно серьезные дискуссии [Лукин, 2024, с. 674–698].

Подобные наблюдения основываются не только на некоторых событиях китайской практической политики, но и на весьма серьезных соображениях теоретического характера: «Для России ситуация в Китае, а также то, как будет эволюционировать его внешняя политика, представляет огромный интерес. С теоретической точки зрения крайне интересно понять, сможет ли Китай создать альтернативный путь эффективного экономического развития без принятия западной политической модели, т.е. на собственном примере опровергнуть теорию модернизации, согласно которой экономический рост должен неизбежно вести к вестернизации политической системы. Лишь в случае его успеха можно будет говорить о реальной политической многополярности мира» [Лукин, 2024, с. 698].

Для таких выводов имеются вполне прочные основания исторического свойства. В самом деле, после создания КНР в 1949 г. страна пережила несколько резких, кардинальных изменений во внутренней и внешней политике, которые сопровождались резкими переменами в высшем эшелоне руководства (1950-е годы – воспроизводство «советской модели», 1960–1970-е годы – «культурная революция», 1980–2000-е годы – глубокие реформы, 2010–2020-е годы – «наведение порядка» при Си Цзиньпине).

¹⁸ Любопытно, что в ходе доверительных бесед китайские партнеры часто высказывают аналогичные суждения относительно российской политики: как только нынешний «украинский кризис» будет урегулирован и западные санкции будут сняты, Москва немедленно восстановит приоритетный статус сотрудничества с Западной Европой и США, а нынешнее вынужденное для РФ акцентирование ключевого значения стратегического партнерства с Китаем останется в прошлом.

Здесь нужно отметить, что А.В. Лукиным разработана очень интересная классификация различных типов коммунистических режимов, которая представляет несомненную самостоятельную ценность. Он подразделяет эти режимы на лево- и правокоммунистические, а также на системы, которые он определяет как «бюрократический коммунизм». При этом «...на основании этой классификации можно, например, предварительно заметить, что именно бюрократические коммунистические режимы скорее склонны к эволюции в сторону некоммунистического общества, тогда как подобная эволюция левокоммунистической модели в принципе невозможна, а правокоммунистической – маловероятна». В Китае, по мнению А.В. Лукина, существует именно бюрократический капитализм [Лукин, 2024, с. 625–651]. Соответственно, нельзя полностью исключать эволюцию существующего в КНР режима в направлении его трансформации в «некоммунистический» с соответствующим «изменением цвета» его внешнеполитической стратегии. Как отмечалось в приведенной выше цитате, такая метаморфоза, способна, по мнению А.В. Лукина, поставить под вопрос весь процесс формирования «реальной политической многополярности мира».

При этом исторически одним из важнейших слагаемых достижения глобального успеха процесса «вестернизации» стала способность Запада разрабатывать детальные, логичные, убедительные и практически эффективные для своего времени философско-мировоззренческие системы, оказавшиеся привлекательными для ряда западных цивилизаций, обладающих собственными мощными философскими традициями. А.В. Лукин является одним из немногих отечественных специалистов, которые серьезно, без хамского пропагандистского ерничания, анализирует истоки и развитие весьма ныне популярных на Западе воззрений, среди которых можно назвать неофеминистические, гендерные, постколониальные и связанные с ЛГБТ исследования, а также критическую расовую теорию [Лукин, 2024, с. 104–123, 140–156]. Эти статьи А.В. Лукина имеют безусловную познавательную ценность для отечественного читателя, позволяют понять подоплеку того бурления, которое происходит в настоящее время в западных интеллектуальных кругах.

Трудно не согласиться с общими выводами А.В. Лукина о том, что такого рода теории в целом ослабляют притягательную силу процесса «вестернизации» для целого ряда регионов, где господствуют традиционные консервативные ценности, создают основу для консолидации политических режимов, существующих в подобных государствах. Очевидно, само по себе появление на свет таких идеологий является признаком определенного кризиса развития западной политической мысли (каковых немало было в истории ее развития). Еще предстоит оценить, сколь долговечными будут такого рода западные философские новации, не окажутся ли они очередным модным поветрием, о котором в следующем десятилетии будут вспоминать только профессиональные историки философии.

Не вызывает, тем не менее, сомнений то, что такого рода идеологические «разброд и шатания» на Западе создают мощные дополнительные стимулы для направляемого и стимулируемого компартией идеологического творчества в Китае. Сердцевиной этого процесса является все более решительная и напористая «китаизация марксизма» в ходе которой создается мировоззрение, в котором существенную, если

не доминирующую роль играет традиционная китайская политическая философия [Лукин, 2024, с. 549–581].

На этом фоне обращает на себя внимание фактически существующий в России на фоне этих бурных идеологических процессов, идеологический вакуум. В РФ нет недостатка в критических замечаниях в адрес западных философских новаций, в высказываниях руководителей страны и телевизионных публицистов в поддержку «консервативных ценностей» и разного рода «духовных скреп», а также в соответствующего рода законодательных инициативах. При всем при этом отсутствует целостный и привлекательный для большинства населения образ будущего, немислимый без лежащей в его основе развитой системы философско-политических взглядов.

Природа не терпит пустоты. Как отмечает А.В. Лукин в статье, написанной в соавторстве с И.Е. Денисовым, китайские партнеры все более энергично стараются не просто предлагать, но даже на весьма высоком официальном уровне навязывать российской стороне собственные политические идеологию и терминологию [Лукин, 2024, с. 362–379].

Кроме того, по статьям сборника можно проследить определенное разочарование со стороны российского аналитика степенью активности и глубины сотрудничества с Китаем в сфере безопасности в течение такого острого периода, как «специальная военная операция» (СВО).

Ожидания в отношении такого рода взаимодействия были весьма высоки незадолго до начала СВО, когда никто из наблюдателей не мог предсказать, каким образом будут развиваться события: «Конечно, на сегодняшний день до войны дело не дошло, но Москва и Пекин, безусловно, прорабатывают меры совместного реагирования на различные нестандартные ситуации, в том числе военные, а это, собственно, и есть «союз де-факто» [Лукин, 2024, с. 378–379].

В марте 2022 г., уже после развертывания СВО, давались по-прежнему весьма позитивные, но уже не столь далеко идущие оценки взаимодействию в данной сфере: «Между тем Китай занял позицию де-факто поддержки России. Это видно из высказываний официальных представителей Пекина и его руководителей» [Лукин, 2024, с. 495–496]. При этом автор полагал, что такая новая «геополитическая расстановка» станет важной составной частью глобального совместного противостояния «коллективному Западу»: «В складывающейся сегодня двухполюсной структуре безопасности в Северо-Восточной Азии США и их союзникам, в отличие от Европы, противопоставит не одна Россия, но и экономически более мощный Китай» [Лукин, 2024, с. 488–489].

Автор, судя по всему, очень быстро скорректировал эту последнюю точку зрения. Уже в конце марта 2022 г. он уточнил, что сотрудничество Китая с Россией в условиях СВО будет определяться прагматичными геополитическими соображениями КНР и не будет мотивировано общностью мировоззренческих взглядов: «Китаю невыгодно ослабление России. Скорее всего, Пекин будет оказывать ей всевозможное содействие, при этом стараясь избежать вторичного воздействия американских санкций, ради чего он может пойти на определенные уступки в наиболее чувствительных сферах, например в банковской, а также склоняя Москву к скорейшему урегулированию ситуации. Однако его тесное сотрудничество с Россией в будущем в большей степени

будет опираться на собственные, чисто геополитические интересы, чем на общее видение миропорядка» [Лукин, 2024, с. 355].

Через два с лишним года после начала СВО в Китае было обнаружено несколько весьма критических в отношении российской политики аналитических статей. А.В. Лукин отреагировал на это еще более скептическими оценками в отношении китайской поддержки РФ: «Появление таких материалов (т.е. вышеупомянутых критических статей. – *С.Н.*) вряд ли можно считать изменением официальной китайской позиции, однако и случайными, в условиях строгой китайской дисциплины, их также признать трудно. Скорее они предназначены для зарубежной аудитории с целью подчеркнуть нейтральность китайской позиции и, возможно, создать благоприятную атмосферу для сотрудничества с Западом и прежде всего с Европой. Отразится ли этот подход на российско-китайских отношениях, покажет будущее» [Лукин, 2024, с. 38].

Из материалов сборника видно, что А.В. Лукин с напряженным вниманием следит за развитием сотрудничества с Китаем в таких важнейших для современной экономики сферах, как энергетика и информационные технологии. Его интересует прежде всего выявление реальных свидетельств того, что в этих сферах происходят какие-то процессы, позволяющие говорить о выходе взаимодействия на новый качественный уровень. В этом контексте совершенно объяснимо, что в 2015 г. намечился такой качественный перелом в допуске китайских государственных инвестиций в сферу энергетических ресурсов и в информационные технологии [Лукин, 2024, с. 403]. К сожалению, вынужден констатировать, что в действительности все обстоит совсем не так оптимистично.

Если говорить о китайских инвестициях в российские нефтегазовые ресурсы стратегического уровня, то еще до 2015 г. в различных межправительственных документах многократно говорилось о том, что российское правительство приветствует их, однако же не было реализовано ни единого проекта крупного масштаба. Крупнейшим предприятием в этой сфере до сих пор остается «Удмуртнефть» – совместное предприятие компаний «Роснефть» и «Синопек», образованное ими еще в 2006 г. в результате приобретения данного актива у «Бритиш Петролеум» на паритетной основе. К 2022 г. это СП накопленным итогом добыло более 100 млн тонн нефти. В настоящее время в связи с западными санкциями китайские энергетические компании не испытывают интереса к инвестициям в российские ресурсы, поскольку в любом случае им гарантировано поступление с них нефти и газа по устраивающим их ценам. С китайскими партнерами действительно проводились многочисленные переговоры и подписывались рамочные соглашения о создании дата-центра в Иркутской области. В конечном счете проект не был реализован.

Еще одним безусловно чрезвычайно перспективным направлением взаимодействия с Китаем и странами Азии является сотрудничество в транспортной сфере, где Россия обладает очевидными для всех геополитическими преимуществами. В этой связи очень большую познавательную ценность представляет собой статья, написанная А.В. Лукиным в соавторстве с бывшим руководителем РЖД В.И. Якуниным. Она интересна тем, что в ней содержится очень содержательный аналитический обзор эффективности правительственных инвестиционных программ по развитию российского Дальнего Востока. Безусловно самостоятельную ценность представляют собой

соображения относительно роли трансконтинентальных железнодорожных магистралей в ускоренном подъеме экономики Сибири и Дальнего Востока [Лукин, 2024, с. 293–321].

В материале, написанном уже после развертывания СВО, А.В. Лукин вынужден признать, что, в силу воздействия всем очевидных геополитических факторов использование Россией ее уникальных геополитических преимуществ оказывается невозможным и дивиденды от соответствующих глобальных транспортных проектов будут (по крайней мере в течение определенного периода времени) получать другие государства: «По словам В.В. Путина (во время беседы с Си Цзиньпином. – С.Н.), речь, в частности, шла о коридоре „Север–Юг“, транспортном меридиане с Севера на Юг через Уральский регион России и Сибирь, модернизации центрального участка Транссиба, строительстве Северного широтного хода и других транспортных проектах, а также о китайских инвестициях на российском Севере, в Арктической зоне. Отметим, что все эти проекты для России – внутренние. Транзитные пути из Китая в Европу, вероятно, пока пойдут не через ее территорию. Но такое сегодня время» [Лукин, 2024, с. 347].

Все вышеупомянутые примеры, с моей точки зрения, в определенной степени позволяют объяснить тот факт, что многие серьезные российские аналитики пришли к выводу о том, что путем осуществления решительного «поворота к Азии» вряд ли удастся компенсировать утрату инвестиционного и технологического взаимодействия с Западом.

А.В. Лукин лаконично и четко выразил такое заключение в следующей формулировке: «В мировой истории отсутствуют успешные примеры ускоренного развития без сотрудничества с развитыми странами мира. В случае его успеха Россия впишет новую страницу в мировую историю» [Лукин, 2024, с. 757]. Из такого общего подхода вытекает и даваемый им прогноз развития страны на достаточно серьезную перспективу: «В ближайшее время нас ожидает падение уровня жизни и сокращение численности населения из-за эмиграции. Но вот что будет через 10–15 лет, сказать однозначно непросто» [Лукин, 2024, с. 759–760].

Итоги

Полагаю, что прежде, чем перейти к подведению итогов, необходимо еще раз восстановить внутреннюю логику, структурирующую этот научный труд А.В. Лукина. На самом высоком уровне обобщения автор приводит достаточно последовательную и логичную критику либеральных взглядов на прогресс и миропорядок и создает теорию глобальной «вестернизации», доминирование которой отнюдь не исключает тенденции развития политической «многополярности»

На более низком, приближенном к практической политике уровне, он придает приоритетное внимание формированию новых многосторонних институтов международного взаимодействия, в укреплении которых и должно выражаться развитие процесса многополярности вплоть до полного ее триумфа. Однако же конкретное исследование процесса функционирования этих новых институтов подводит к выводу о том, что осуществляемая ими эмансипация от западного превосходства происходит

пока что на уровне политических деклараций и организационной экспансии, что эти институты не способны играть роль действенных «приводных ремней» от концепции многополярности к политической практике.

В результате для такой страны, как Россия, вынужденной по возможности следовать концепциям многополярности и поворота на Восток в своей практической деятельности возникают многочисленные проблемы по таким ключевым направлениям, как прогнозирование необратимости становления многополярной структуры, идеологическое освоение современного мира, прогнозирование перспектив нахождения собственной роли в глобальной безопасности, в международном экономическом и технологическом разделении труда. Все это создает величайшие проблемы и для размышлений о будущем внутреннем устройстве страны.

Очень важно то, что в результате напряженных размышлений и постоянных интеллектуальных усилий, направленных на поиски ответов на множество суровых вызовов времени, А.В. Лукин приходит к выводу о том, что адекватный образ будущего невозможно выстроить только на основе конструктивной критики либерального мировоззрения и вытекающих из него схем мироустройства. Жизнеспособный образ этого неизбежного будущего можно сначала помыслить или создать только одновременно осознав слабости и неадекватности консервативно–охранительного образа мышления и преодолев их.

С моей точки зрения, очень хороший итог исканиям, содержащимся в настоящей книге, содержится в следующих формулировках из недавней статьи В.П. Лукина и А.В. Лукина: «Во время конфликта, который во многом повлиял на бытие и сознание не только российских элит, но и на более широкие общественные слои, возникла экстраординарная, хотя и типичная для подобных моментов истории ситуация. На поверхность из темных глубин массового сознания всплыли радикальные, ранее считавшиеся маргинальными идеологемы.

Одни из них предписывают полное закрытие страны от всех традиционных внешних влияний, тотальное „перевоспитание“ исторических россиян в былинных азиатов и даже перековку значительной части человечества с использованием, на худой конец, „педагогических“ ядерных ударов ради окончательного и бесповоротного осуществления возникшей в лоне данной секты очередной метафизической идеи всеобщей справедливости.

Другая контрсекта, тотально обидевшихся на свою страну и по большей части покинувших ее, требует „отмены“ российской куль туры, „деколонизации“, люстрации всех недостаточно „демократичных“ россиян, то есть также призывает в один присест „обнулить“ Россию в том виде, в каком она исторически реально существовала, только в противоположном направлении.

Но вряд ли эти сектантские эксцессы выйдут за положенные им временем и историей пределы. Россия, как уже много раз случалось, вернется, выйдя тем или иным способом из нынешнего кризиса, к своему естественному состоянию, которое диктуется ее многовековой культурой и географическим положением, а также современным уровнем развития отечественной экономики и общего потенциала. А именно – к состоянию страны географически евразийской, то есть активно взаимодействующей как с Европой, так и с Азией» [Лукин, 2024].

Самым прекрасным для России вариантом было бы принятие и политическими элитами, и значительными слоями населения духа подхода, органичного именно для такой идеологии. Очень трудно сказать, возможно ли это на практике в условиях нынешнего тотального остервенения и расчеловечивания оппонентов. В любом случае ясно только одно: никакая конструкция внутри страны или за рубежом не окажется прочной, если будет основана на стремлении уничтожить этих оппонентов, а не достичь разумного компромисса с ними. Так уж повелось, что, по крайней мере в России, сторонники компромиссов всегда выглядят слонтяями и вегетарианскими идеалистами. Пусть так, главное, что их взгляды направлены на избежание кровопролития и поэтому в конечном счете позволяют создавать стабильность, условия поддержания которой добровольно, без принуждения, принимает абсолютное большинство социума.

В конце прошлого – в первые десятилетия нынешнего века Россия «на собственной шкуре» испытала все прелести следования крайностям в практической политике. Не настало ли время поучиться у китайцев тому, что называется выработкой «среднего пути» (中庸之道)?

Библиографический список

Бажанов Е.П. Миг и вечность. История одной жизни и наблюдения за жизнью всего человечества / Е.П. Бажанов. Т. 5, ч. 7: Разбитые мечты. М.: Дашков и К, 2017. 551 с.

Гончаров С.Н. Заметки о военно-техническом сотрудничестве Китая с СССР и Россией во 2-й половине XX века (с переводом избранных фрагментов из воспоминаний генерал-полковника Лю Хуацина) / С.Н. Гончаров. М.: Институт востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН), 2013. 312 с.

Гончаров С.Н. Зарубежные китайцы и программа «четырёх модернизаций» КНР // Проблемы Дальнего Востока. 1986. № 3. С. 34–46.

Гончаров С.Н. От союза через враждебность к добрососедству. 40 лет советско-китайских отношений // Литературная газета. М., 1989.

Дикарев А.Д., Лукин А.В. Три путешествия по Китаю. М.: Молодая гвардия, 1989. 239 с.

Капица М.С. На разных параллелях. Записки дипломата. М.: Книга и бизнес, 1996. 520 с.

Кулик Б.Т. Советско-китайский раскол: причины и последствия, Институт Дальнего Востока РАН, М., 2000. 639 с.

Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII—XXI веках. М.: Восток–Запад: АСТ, 2007. 598 с.

Лукин А.В., Лукин В.П. Внешняя политика после украинского кризиса // Мир перемен. 2024. №3. С. 112–113.

Лукин В.П. «Я – не первый воин, не последний...». К 80-летию В.П. Лукина. Кн. вторая под ред. А.Д. Дикарева и А.В. Лукина. М.: Издательство «Весь Мир», 2018. 592 с.

Рахманин О.Б. К истории отношений России – СССР в Китае в XX веке. Обзор и анализ основных событий. М.: Памятники исторической мысли, 2002. 512 с.

References

Bazhanov E.P. (2017). Mig i vechnost'. Istoriya odnoy zhizni i nablyudeniya za zhizn'yu vsego chelovechestva. T. 5, ch. 7: Razbityye mechty [Moment and Eternity. The Story of One Life and Observations on the Life of All Humanity. Vol. 5, Part 7: Broken Dreams]. Moscow: Dashkov i K. 551 p. (In Russian).

Dikarev A.D., Lukin A.V. (1989). Tri puteshestviya po Kitayu [Three Travels in China]. Moscow: Molodaya Gvardiya. 239 p. (In Russian).

Goncharov S.N. (1986). Zarubezhnyye kitaytsy i programma “chetyrekh modernizatsiy” KNR [Overseas Chinese and the “Four Modernizations” Program of the PRC]. Problemy Dal'nego Vostoka. No. 3. P. 34–46. (In Russian).

Goncharov S.N. (1989). Ot soyuza cherez vrazhdebnost' k dobrososedstvu. 40 let sovetsko-kitayskikh otnosheniy [From Alliance through Hostility to Good-Neighborliness. 40 Years of Soviet-Chinese Relations]. Literaturnaya gazeta. Moscow. (In Russian).

Goncharov S.N. (2013). Zametki o voyenno-tekhnicheskom sotrudnichestve Kitaya s SSSR i Rossiyey vo 2-y polovine KhKh veka (s perevodom izbrannykh fragmentov iz vospominaniy general-polkovnika Lyu Khuatsina) [Notes on China's Military-Technical Cooperation with the USSR and Russia in the Second Half of the Twentieth Century (with a Translation of Selected Fragments from the Memoirs of Colonel-General Liu Huaqing)]. Moscow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (IO RAS). 312 p. (In Russian).

Kapitsa M.S. (1996). Na raznykh paralelyakh. Zapiski diplomata [On Different Parallels. Notes of a Diplomat]. Moscow: Kniga i biznes. 520 p. (In Russian).

Kulik B.T. (2000). Sovetsko-kitayskiy raskol: prichiny i posledstviya [The Soviet-Chinese Split: Causes and Consequences]. Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow. 639 p. (In Russian).

Lukin A.V. (2007). Medved' nablyudayet za drakonom. Obraz Kitaya v Rossii v XVII – XXI vekakh [The Bear Watches the Dragon. The Image of China in Russia in the 17th – 21st Centuries]. Moscow: Vostok-Zapad: AST. 598 p. (In Russian).

Lukin A.V., Lukin V.P. (2024). Vneshnyaya politika posle ukrainskogo krizisa [Foreign policy after the Ukrainian crisis]. Mir peremen. No. 3. P. 112-113. (In Russian).

Lukin V.P. (2018). “Ya – ne pervyy voyn, ne posledniy...”. K 80-letiyu V.P. Lukina [“I am neither the first warrior nor the last...”. On the 80th anniversary of V.P. Lukin]. 2nd book edited by A.D. Dikarev and A.V. Lukin. Moscow: Ves Mir Publishing House. 592 p. (In Russian).

Rakhmanin O.B. (2002). K istorii otnosheniy Rossii – SSSR v Kitayem v 20 veke. Obzor i analiz osnovnykh sobyitiy [On the history of relations between Russia – the USSR and China in the 20th century]. Moscow: Monuments of Historical Thought. 512 p. (In Russian).

* * *

Goncharov S.N., Lewis J.W., Xue Litai. Uncertain Partners: Stalin, Mao, and the Korean War. Stanford, CA: Stanford University Press, 1993. 393 p.

Уважаемые читатели!

**Просим присылать краткие сообщения об основных новостях китаеведения
в России и мире на электронный адрес редакции: journal@iccaras.ru**